

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА ФАНТАЗИИ: ФИЛОСОФИЯ VS ПСИХОЛОГИЯ*

С. В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
s.berdaus@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме автономности исследований сознания, осуществляемых психологией и философией. В качестве типологического примера взят феномен фантазии, фантазирование. Опираясь на общую картину исследований этого феномена в современной психологии, использования фантазирования в различных техниках и практиках, показана асимметричность теоретико-методологических усилий в этой области. На ряде примеров из области философской парадигмы была отмечена определенная завуалированность подлинной роли фантазирования. Высказано предположение о продуктивности концентрации на почве феноменологии Гуссерля эвристического материала, как психологии, так и философии, для переосмысления значимости феномена фантазии в деле постижения глубин человеческого сознания.

Ключевые слова: Гуссерль, интенциональность, феноменология, фантазия, фантазирование, воображение, современная психология.

Для цитирования: Бердаус, С. В. (2023). Подходы к осмыслению феномена фантазии: философия vs психология. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 5-16. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.5-16

APPROACHES TO INTERPRETATION THE PHENOMENON OF FANTASY: PHILOSOPHY VS PSYCHOLOGY*

S. V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the autonomy of the studies of consciousness carried out by psychology and philosophy. The phenomenon of fantasy, fantasizing, is taken as a typological example. Based on the general picture of research on this phenomenon in modern psychology, the use of fantasizing in various techniques and practices, the asymmetry of theoretical and methodological efforts in this area is shown. On a number of examples from the field of the philosophical paradigm, a certain veil of the true role of fantasizing was noted. An assumption is made about the productivity of the concentration on the basis of Husserl's phenomenology of heuristic material of both psychology and philosophy for rethinking the significance of the phenomenon of fantasy in comprehending the depths of human consciousness.

Keywords: Husserl, intentionality, phenomenology, fantasy, fantasizing, imagination, modern psychology.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00911.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00911.

For citation: Berdaus, S. V. (2023). Approaches to Interpretation the Phenomenon of Fantasy: Philosophy vs Psychology. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. С. 5-16. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.5-16

Актуализация проблемы

В середине XIX в. начался процесс сепарации психологии от философии¹. Становление этого процесса носило и носит характер, с одной стороны, драматический, а с другой – захватывающий. Драматический, потому что так и не состоялся и не закрепился в ранге регулярного рабочий диалог между этими двумя дисциплинами. Современную психологию можно описать как калейдоскоп мнений относительно понимания природы психики и практик по работе с ней. Однако всё разнообразие этих мнений и практик плохо вписывается даже в самые ординарные требования логоса, логического единства, предъявляемые к любой полноценной науке (био-логии, фило-логии, нейро-логии и проч.). Отсутствие универсальных принципов аналитики сознания и бессознательного, корреляции психики и тела и т. п. не дает возможности психологии обрести требуемые критерии науки (и это помимо предметно-методологической гетерономии и полифоничности, эскизности и неизбежной условности в описании структур сознания). Эти принципы исторически и сущностно должна была предоставить философия, и многое уже было сделано. Однако перипетии нововременной психологии и трансцендентализма кантовской философии [см.: Бердаус, 2022] возвели непреодолимые препятствия для органического и при этом самостоятельного развития, как эмпирической психологии, так и собственно трансцендентальной философии.

Увлекательность же этих напряженных отношений раскрывается перед нами при столкновении и параллельном рассмотрении того, как философия и психология справляются с осмыслением одного и того же проявления сознания, в том числе когда пытаемся соотнести плоды исследований этих дисциплин. Одним из ярких примеров подобного может служить способность фантазирования и ее результат – фантазия. В представленной статье на примере феномена фантазии мы рассмотрим последствия автономного развития психологии и философии (трансцендентализма в большей мере) и актуализируем важность феноменологического исследования подобных переживаний сознания. С методологической точки зрения нас не будет интересовать полноценная, проделанная в академическом духе реконструкция концептуализации и интерпретации феномена фантазии в психологии, философии и феноменологии Гуссерля, также в этой статье мы не будем касаться собственно феноменологических дескрипций переживания фантазии. Мы будем двигаться в рамках эйдетической истории сознания [Бердаус, 2020, с. 23-26], прибегая к методологии историко-эйдетической редукции, целью которой выступает «реактивация старых мотивов мышления

¹ Сразу оговоримся, что поскольку постановка проблемы в представленной работе осуществляется в достаточно большом масштабе, у нас не будет возможности тонко прочерчивать контуры отличий одной школы психологии от другой, реконструировать систему отдельно взятого психолога или философа, во всей полноте раскрывать содержание того или иного концепта и т. п. Изложение в статье будет производиться очень широкими мазками, подобный подход обосновывается убежденностью автора в необходимости постановки проблемы именно так. А уже в дальнейшем можно будет приближать масштаб, и отдельные вопросы рассматривать более прицельно, ориентируясь на оптику, приобретенную на первом этапе.

и формирование абсолютно новых» [Allen, 1982, p. 620] для оттачивания навыка проведения различия (критики) между «трансцендентальным субъектом и психологическим, категориальной интуицией и восприятием, <...> наукой о сущем, поскольку оно сущее, и наукой о части бытия» [Sokolowski, 2012, p. 27].

Фантазия – пути психологии

Психология охватывает широкий и разнородный спектр проблем, так или иначе связанных с фантазией. В рамках так называемой теоретической психологии (дисциплины, ответственной, в частности, за анализ познавательных процессов, процессов аффективной жизни, т. е. занимающейся, по сути, проблемами философии, но как-то «по-другому») сложно найти исследование, в котором о феномене фантазии или о способности фантазировать (если выражаться корректнее, с психологической точки зрения) было бы сказано комплексно, исчерпывающе и разнопланово. Возможно, это объясняется тем, что для современной психологии по-прежнему остается зыбкой грань между фантазией и воображением, а также рядом смежных переживаний сознания. Критика в этом вопросе все еще не выявила каких-то определенных границ, позволяющих сформулировать концептуальные и терминологические ориентиры.

Все самое интересное разворачивается в другом поле психологии, а именно в практической психологии. Здесь разнообразный эмпирический материал, который преподносит психологам, психоаналитикам, психотерапевтам отдельно взятый человек (порой действительно страдающий расстроенными нервами, а порой просто ангажированный интересом к головокружительным идеям современных авторов), служит постоянным вызовом для практикующих специалистов и исследователей.

Мы не будем брать на себя работу, которую должны были бы выполнить теоретические психологи, а именно предоставить универсальную «картографию» сложнейшего в описании и функционировании феномена фантазии (или фантазирующего сознания и т. п.), а ограничимся перебором наиболее значимых на сегодняшний день отдельных позиций по этому вопросу. Для удобства изложения и последующего восприятия мы предложим лишь один критерий – сосуществование двух миров: внутреннего (душевный мир, внутренняя реальность, внутренние переживания и т. п.) и внешнего (объективный мир, объективная и внешняя реальность, предметная реальность, переживаемая в сознании человека). Сосуществование внутренней и внешней реальностей, а также меняющиеся плоскости этого сосуществования – параллельное, пересеченное, смешанное, синкретичное и т. п., мы предлагаем в качестве чисто технической точки отсчета для изложения.

Пожалуй, первое и главное на чем следует сделать акцент – это то обстоятельство, что психология в большей мере сосредоточена на *результате* фантазирования – фантазии – или фантазме, а не на самом процессе. Истоки этого мы находим уже в работах З. Фрейда. Что такое результат фантазии? Самые простые примеры: поэтические и литературные произведения – это результат фантазирования поэтов и писателей, трансцендентальная философия – это результат фантазирования философов, образ «любящей матери» или «жестокотого отца» – это результат фантазирования ребенка и т. п. Зачем поэты, философы, дети этим занимаются? Затем, что переживание многих эмоций довольно часто конвертируется и с непомерным ускорением подвергается рационализации, а это ускорение

возможно только там, где человек обладает полнотой полномочий над временем – в фантазии. Затем, что формирование управляемых миров (которые управляются собственно автором фантазии) помогает справиться, смириться, найти общий язык хотя бы на какое-то время с внешней реальностью, с тем миром, управлять которым не получается (а невозможность управления этим внешним миром приводит к острому чувству небезопасности и тревоги). Логика Фрейда вполне ясна – избавление человека от страхов (сознательных и бессознательных) устраняет необходимость уходить в мир фантазий. Формирование трезвого реалиста и прагматика излечивает от поэтического дара, так сказать. Однако было бы, конечно, грубой ошибкой говорить о полном игнорировании Фрейдом самого процесса фантазирования. Правильнее говорить об игнорировании Фрейдом тех методов, которыми этот процесс или феномен можно изучать, а именно философскую методологию. Фрейд искал новые пути, которые бы смогли раскрыть потенциал психоанализа. И пути эти были весьма тернисты. В целом исследователи, занимающиеся местом фантазии в психоанализе, прослеживают эволюцию идей Фрейда в динамике таких работ как: «Толкование сновидений» (1900), «Истерические фантазии и их связь с бисексуальностью» (1908), «Семейный роман невротиков» (1906) [Bernet, 2012, pp. 1-21]. От себя бы мы хотели добавить, что более глубокое понимание интенций Фрейда нужно искать в его метапсихологических работах², достаточно сложных для понимания, но демонстрирующих глубокие философские интуиции основателя психоанализа, посетавшего, напомним, лекции Франца Brentano.

Последователь Фрейда Ж. Лакан сумел ввести фантазию и фантазирование непосредственно в философскую плоскость (видимо, поэтому на сегодняшний день учение Лакана признается откровенно философским), выделение им трех регистров – Символического, Реального, Воображаемого – собственно иллюстрирует наложение разных уровней переживания сознания, от фантазирования до пассивного восприятия и пассивного конституирования. Другой последователь Фрейда Д. Винникот, мысль которого потрясает тонко и виртуозно вращалась в пространствах внутренней и внешней реальностей, разрабатывал теорию так называемых переходных объектов, тех, что позволяют ребенку начать осмыслять себя частью этой «нашей», всеобщей реальности (объективной, разумеется). И здесь обратим внимание на крайне важную деталь формулировки «я обращаюсь не к одежде или плюшевому мишке, с которым играет младенец, не к используемому объекту, а к *использованию* (курсив наш – Б. С.) объекта» [Винникот, 2017, с. 6]. Более того, Винникот называет это использование «универсальным феноменом» и констатирует, что этот феномен может быть усмотрен исключительно «в пределах пространства, связанного с магией воображения и творчества» [Там же, с. 5].

Второе, на чем следует сделать акцент – это использование фантазирования в ряде техник и методик, которые предлагают разные психологические школы абсолютно разных идеологических направлений. Немного примеров: 1) техника «Пустой стул» в гештальт-терапии (пациент общается с воображаемым собеседником, который «сидит» на пустом стуле); 2) две техники, опирающиеся на положения юнгианского психоанализа: техника направленного фантазирования Робера Дезуаля [Desoille, 1961; 1973] и имажинация

² Именно структурная проблематика сосуществования, а точнее непосредственного соприкосновения внешней и внутренней реальностей, очень хорошо представлена в работах «Влечения и их судьбы», и в особенности «Вытеснение» [Фрейд, 2006, с. 79-127].

в кататимно-имагинативной терапии [Барке, Нор, 2019, с. 23-30]; 3) имплозивная терапия (форма поведенческой психотерапии, заключающаяся в намеренном погружении пациента в травмирующие воспоминания) [Stampfl, 1970], один из видов которой разворачивается в воображении и т. п. Все эти техники связаны тем, что «эксплуатируют» возможности внутренней реальности – производство образов и связанное с этим высвобождение аффективной стороны переживаний текущих и прошлых.

Скажем немного и о парадоксальности возможностей внутренней реальности. Приведенные выше методики погружают человека в мир активного переживания образов, в мир фантазии, как бы на ощупь, пытаясь найти иной язык терапевтического воздействия на сознание человека. Тем примечательнее, что набирает популярность (в пейоративном смысле) патологическое состояние, определяемое в современной психологии как навязчивые грезы (maladaptive daydreaming) – форма чрезмерной, не поддающейся контролю мечтательности, фантазирования [Pietkiewicz et al., 2018; Somer, 2002; Somer et al., 2016]. Человек практически полностью выпадает из внешней (социальной в том числе) реальности, не может работать, избегает связей с людьми и т. п. Если в состоянии активного фантазирования человека можно ввести и вывести, то вот методики, выводящей человека из вынужденного фантазирования, пока нет. Мы связываем это в первую очередь с тем, что не установлена, не выявлена сущностная природа переживания фантазии.

Этот пестрый набор примеров и ситуаций, непосредственно связанных с фантазией, на интуитивном уровне дает ощущение внутренней связности, общего поля переживаний сознания. Однако теоретическая психология, по-видимому, не в состоянии найти адекватный предметно-методологический инструментарий для экстрагирования и дескрипции этого общего для репрезентативной критики фантазии и фантазирования самих по себе.

Фантазия – пути философии

Согласно логике изложения, намеченной в этой статье, сейчас мы должны представить некий сжатый, но информативный отчет об актуальном статусе феномена фантазии в философии. И это отчасти будет сделано. Но давайте сразу зададимся очевидным вопросом: что именно философия упустила из виду в отношении фантазии? Ведь алгоритм статьи такой: психология – упустила, философия – упустила, а вот феноменология восполнит! Ничего, конечно, философия не упустила. А заслуга феноменологии в одном – она назвала вещи своими именами и призвала работать с ними по мере их сущности: «*Эйдос, чистая сущность*, может интуитивно воплощаться в данностях опыта, в данностях восприятия, воспоминания и т. д., однако равным образом *и в данностях просто фантазии*» [Гуссерль, 2009, с. 36], или чуть подробнее: «... квази-представляемое в воображении (Vorschwebende) может быть фикцией и только, но зато сама квази-представляемость, фантазирующее сознание само по себе не сфантазировано, и его сущность, как и всякое переживание, включает в себе возможность рефлексии, воспринимающей и схватывающей абсолютное присутствие здесь». [Husserl, 1976, p. 97] Обобщить можно следующим образом: и философские идеи в том числе могут быть продуктом квази-представляемого в сознании, т.е. просто продуктом фантазии. Но этот продукт сам по себе не «онтологизируется» автоматически в фикцию и этот пункт предельно принципиален для Гуссерля. С одной стороны, гипотетико-дедуктивный метод, сущность, идея, представление, интуиция,

созерцание, эйдос, смысл, т. е. большинство институциональных конституэнт философии можно назвать фантазией³, фикцией. А с другой – в них можно усмотреть чередование разных модусов переживаний сознания (восприятия, памяти, фантазии) и сосредоточиться на вопросе: зачем происходит это чередование, что оно дает на отдельно взятом этапе мышления?

Первый путь нашел свое отражение в философии фикционализма Ганса Файхингера, автора работы «Философия “как если бы”» («Philosophie des Als Ob»). «Фикции, – утверждает Файхингер, – это психические образования (psychische Gebilde). Психика выкручивает (ausspinnen) из себя эти инструменты; ибо душа (Seele) изобретательна; вынужденная необходимостью, раздраженная внешним миром, она открывает сокровище ресурсов, которые таятся в ней самой» [Vaihinger, 1922, p. 19]. «Изобретательность» человеческой души подарила миру целую галерею разнообразных фикций: символические, юридические, эвристические, этические, математические и т. д. Файхингер всю историю философии (от античности до современных ему воззрений) нанизывает на проблематику фикционализма, усматривая в этом принципе унифицирующий сюжет развития философской мысли.

Второй путь – это те случаи, когда философы заостряли внимание на фантазии как очень специфическом феномене, связующем эмпирическую и рациональную стадии познания или становления мысли. Правда, и здесь, как и в случае с психологией, возникает вопрос: заостряли внимание на результате или на процессе?

Одним из первых, кто привлек фантазию к решению эпистемологических задач, был Аристотель. В работе «О памяти и воспоминании» им формулируется апория: почему, когда состояние наличествует, а вещь нет, вспоминается то, чего нет? Решение этой проблемы представлено у Аристотеля не в теории ощущения, как полагали некоторые ученые (например, Brentano), а в теории фантазии [Caston, 1998].

Далее нужно назвать Д. Юма, чья постановка вопроса о природе познания до сих пор актуальна и выступает настоящим вызовом для философии. Приведем краткое описание его блистательной постановки философской проблемы: имеет место «только два типа феноменов – впечатления и идеи. Первые отличаются силой и живостью, они первичны, это подлинная реальность сознания, но знанием их не назовешь, потому что у них как бы нет объекта, или источника, переход от которого к впечатлениям мог бы трактоваться как процесс познания. В сознании, конечно же, нет внешнего мира как независимой от сознания реальности, и его роль выполняют впечатления. Идеи же представляют собой ослабленные копии впечатлений или их комбинации. Копирование и комбинирование впечатлений может быть представлено как познавательный процесс, но только чисто аналитического свойства, поскольку самая сложная идея должна быть в принципе разложима на совокупность впечатлений, иначе она объявляется ложной, иллюзорной, фантастической (курсив наш – Б. С.). Отсюда следует,

³ Есть и такая, принадлежащая Я. Голосовкеру, версия: «Спросят: не хочу ли я показать, что вся так называемая идеалистическая философия была на самом деле имагинативной философией и что ее якобы идеалистическая, оторванная от реальности, видимость есть на самом деле имагинативная реальность, какой является и вся духовная культура? Да, именно это хочу я показать. Вместо слова «воображение» философы применяли самый сложный словарь терминов, вращаясь в интеллектуальной сфере: трансцендентный, трансцендентальный и т. д., смешивая заодно предмет познания, метод познания, средства познания, процесс познания и т. п. <...> А ведь надо было только произнести слово “имагинация”, чтобы разрешить все недоразумения с идеалистической философией» [Голосовкер, 2010, с. 4].

что знание (идеи) никогда не содержит ничего нового по сравнению с впечатлениями, а, следовательно, говорить о процессе познания как о переходе от незнания к знанию, о приращении знания невозможно. Если человек приобретает новые впечатления, то они возникают в сознании необъяснимо, как бы ниоткуда, а их копирование и комбинирование ничего принципиально нового не дает. Не считать же ослабление впечатления признаком познания! Таким образом, впечатления не являются знанием по своему источнику, а идеи не соответствуют критерию знания по содержанию и развитию» [Касавин, 2011, с. 159]. Перед нами то, что традиционно именуется юмовским скептицизмом. Для нас важна та заостренность, концентрированность и в тоже время парадоксальная невосприимчивость к самой «материи» процесса формирования впечатлений и идей. В оценке всей этой ситуации мы вновь видим появление термина «фикционализм», коим Гуссерль стигматизирует философию Юма: «Мир вообще, природа, универсум тождественных тел, мир тождественных личностей, а затем также и объективная наука, познающая их в их объективной истине, в юмовском “Трактате” превращается в фикцию. Чтобы быть последовательными, мы должны сказать: разум, познание, в том числе и познание истинных ценностей, чистых, даже этических, идеалов – все это фикция» [Гуссерль, 2013, с. 152].

С мощным прорывом к преодолению скептицизма Юма обычно связывают «коперниканский поворот» И. Канта. Но что-то снова пошло не так. Обратимся вновь к оценке Гуссерля: Кант «не пробился к абсолютной субъективности, конституирующей все сущее в его смысле и значимости, и к методу, который позволил бы достичь ее в ее аподиктичности, исследовать ее и аподиктически истолковать ... <...> Все трансцендентальные понятия Канта: понятие Я трансцендентальной апперцепции, понятия различных трансцендентальных способностей, понятие “вещи по себе” [“Ding an sich”] (лежащей в основе и тел, и душ) – суть конструктивные понятия, которые принципиально противятся последнему прояснению» [Там же, с. 327-328]. На смену фикционализма Юма пришел конструктивизм Канта. Но так или иначе идеи двух этих великих мыслителей сформировали своего рода туннель, по которому двигалась дальше философская мысль. Ибо все сказанное «в полной мере относится и к позднейшим идеалистическим системам» [Там же]. В том числе и к философской системе неокантианца Файхингера, с которой мы начали этот раздел.

Феноменология и пределы взаимодействия

Первым делом коротко поделимся своим небольшим научным «открытием». С идеями Г. Файхингера мы познакомились совсем недавно, в ходе работы над представленной статьей. Возможно, эта персоналия как-то была упомянута в университетском курсе по истории философии, а, возможно, и не была. На сегодняшний день подобного рода немецкая философия – обстоятельные, сверхструктурированные, подробнейшие спекулятивные умопостроения – в трендах не числится. Тем примечательнее идеи этого философа для автора статьи, числящегося феноменологом. Но, как оказалось, в российской историко-философской науке работа, посвященная соотношению Файхингера и феноменолога Гуссерля уже была проведена. Труд этот проделала замечательный российский ученый Н. В. Мотрошилова, не перестающая удивлять широтой горизонта своих исследований. В статье «Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления» Нелли

Васильевна приходит к выводу, что «философия Als-Ob» Ганса Файхингера – философия интересная, оригинальная, противоречивая. В деятельности этого философа чрезвычайно важны специальные, специфические историко-философские разработки. Это чисто кантоведческая линия, запечатленная, например, в обширном специальном его комментарии к *Критике чистого разума* Канта» [Мотрошилова, 2016, с. 306-307]. Гуссерль же, «интересуясь философией Канта, меньше всего интересовался конкретным кантоведением, и, по сути, никогда, а не только в ранний период, не углублялся в него» [Там же, с. 307]. Статья Нелли Васильевны собственно о том, что два современника – фикционалист Файхингер и молодой, но уже обратившийся от математики к философии Гуссерль, – не имели встречи друг с другом, в частности, встречи философской. Другими словами, Гуссерль не испытал влияния Файхингера. От себя мы сделаем лишь небольшое дополнение, сформировавшееся исключительно на текстологических обстоятельствах. В большинстве текстов, посвященных феноменологии фантазии, Гуссерль не использует немецкий вариант «как если бы», «как бы» – «als ob», он использует греческую приставку *quasi*. Вполне можно предположить, что Гуссерль так или иначе был наслышан о философии Файхингера, и, на самом деле, не принимая ее в расчет, просто хотел лишний раз отгородиться от чужих концепций, в том числе и на уровне терминов. Но это предмет другого исследования.

Как и обещали, мы не будем здесь занимать место реконструкцией феноменологии фантазии. Ниже предложим только своего рода путеводитель по этой области. Сейчас важнее сказать о тех пределах взаимодействия философии и психологии (в том числе по вопросу фантазии), на которые автор статьи аккуратно намекает на всем ее протяжении. Первое и главное – пределы должны быть наглядными и четкими. И второе – пределы должны быть реалистичными. Феноменологии уже более ста лет, все возможные революции в умах, которые были заложены в ее потенциале, она уже сделала. Остыв от произведенного эффекта (а остывать она стала достаточно быстро, уже в начале 70-х гг. прошлого века Хайдеггер констатирует, что «даже редкая феноменология застыла в догматизме» [Хайдеггер, 2012, с. 381]), утеряв лоск великого учения, феноменология стала просто методологией, которую пора перестать демонизировать за сложность (сложно любое философское учение, да и психологическое тоже, о метапсихологических работах Фрейда мы уже упоминали), а нужно просто применять ее в работе. Потребность же в этом для философии и психологии на примере фантазии мы и постарались показать в своей статье.

Ну, а теперь к Гуссерлю, к феноменологии фантазии! Традиционно для введения неопита в соответствующую тему, рекомендуется штудирование следующих лекций основателя феноменологии: 1) «Феноменологическая психология» [Husserl, 1968], собранных в 9 томе Гуссерлианы, и 2) «Фантазия, образное сознание, память. К феноменологии наглядных реактуализаций» [Husserl, 1980], собранных в 23 томе.

Мы со своей стороны хотели бы предложить несколько иной путь: перед работой с указанными лекциями советуем познакомиться с одним из поздних произведений Гуссерля «Опыт и суждение» [Husserl, 1939]. Эту работу можно называть поздней не только в силу факта ее написания на склоне лет. В этой работе основатель феноменологии не тратит силы на диалог с оппонентами (чаще напоминающий сокрушительный диалог с самим собой), на бесконечные повторы и проговаривания базовых принципов феноменологии. Нет, в этом тексте он сосредоточен на формулировании четкой, линейной алгоритмизации мыслительных процессов: допредикативных и предикативных. Нам продемонстрировано, как поток переживаний направляется и впадает в русло всеобщих структур предикации.

Фантазия же появляется строго к моменту эволюции от рецептивного опыта к рассудочной предметности. Главное, что требуется усвоить по прочтении этой работы, это то, что переживания фантазии никак не связаны с восприятием: «в то время как все восприятия относительно подразумеваемых в них предметностей соединяются в единство, относятся к единству мира, [то] предметности фантазии выпадают из этого единства, они не соединяются с предметностями восприятия для образования единства подразумеваемого мира. Конечно, фантазии Я связаны и друг с другом, и с восприятиями Я как переживаниями, это касается всех переживаний внутреннего сознания, воспринимающего по отношению к ним. [Фантазии Я] организуют себя как переживания, аналогично всем актам своего единства, – а это значит, что внутреннее сознание конституирует интенциональную связь. Но [фантазии Я] не связаны в своем предметном отношении ни друг с другом, ни с восприятиями» [Husserl, 1939. S. 195-196].

Указанные бессвязность, оторванность фантазирования от времени и пространства и делают этот акт сознания практически всемогущим. Фантазирование помогает формировать некие образы, позволяющие визуализировать, а значит в определенной степени и понимать то, что увидеть невозможно (например, фантазийное по своей сущности мифотворчество понижало у древних людей напряжение, связанное со страхом и непониманием природных явлений). Фантазия свободно проникает в воспоминания, что легко проиллюстрировать ситуацией, когда мы, силясь что-то вспомнить, на самом деле заполняем пробелы тем, чего не было. Также фантазия вклинивается и в ход философской рефлексии – невозможность увидеть трансцендентальные структуры сознания порождала различные «идеи», «абстрактные понятия» и т.п. Другими словами, мы можем проследить широкий диапазон фантазирования, от выдумывания до заполнения пустот в памяти или понимании. Феноменология фантазии предлагает заняться подробным анализом и наблюдением всех «движений» фантазирующего сознания, с тем, чтобы провести четкую грань между очевидностями (точно отрефлексированными и увиденными «шагами» фантазирующего сознания) и заблуждениями (темными и неясными переживаниями нашего сознания).

Список литературы / References

Барке, У., Нор, К. (2019). *Кататимно-имагинативная психотерапия: Учебное пособие по работе с имажинациями в психодинамической психотерапии*. Пер. И. Куприяновой. М.

Bahrke, U., Nohr, K. (2019). *Katathym Imaginativen Psychotherapie: Tutorial on Working with Imaginations in Psychodynamic Psychotherapy*. Kuprijanova, I. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Бердаус, С. В. (2020). Первая философия Э. Гуссерля в контексте феноменологии как науки. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 20-27.

Berdaus, S. V. (2020). The first philosophy of E. Husserl in the context of phenomenology as a science. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 20-27. (In Russ.)

Бердаус, С. В. (2022). Соотношение феноменологии и психологии: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. *Полилог*. Т. 6. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/S258770110020508-0-1> (дата обращения: 20.12.2022).

Berdaus, S. V. (2022). Correlation of Phenomenology and Psychology: To the Problem Statement. [Online]. *Polylogos*. Vol. 6. no. 2. Available at: <https://polylogos-journal.ru/S258770110020508-0-1> (Accessed: 20 December 2022). (In Russ.)

Винникот, Д. В. (2017). *Игра и реальность*. М.

Winnicott, D. V. (2017). *Playing and Reality*. Moscow. (In Russ.)

Голосовкер, Я. Э. (2010). *Избранное: Логика мифа*. СПб.

Golosofer, Ya. E. (2010). *Selected works: The Logic of Myth*. St. Petersburg. (In Russ.)

Гуссерль, Э. (2009). *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая*. Пер. А. В. Михайлова. М.

Husserl, E. (2009). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book*. Mikhailov, A. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Гуссерль, Э. (2013). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию*. Пер. Д. В. Кузницын. СПб.

Husserl, E. (2013). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Kuznitsyn, D. V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Касавин, И. Т. (2011). Дэвид Юм. Парадоксы познания. *Вопросы философии*. № 3. С. 157-171.

Kasavin, I. T. (2011). David Hume. The paradoxes of knowledge. *Voprosy filosofii*. no. 3. pp. 157-171. (In Russ.)

Мотрошилова, Н. В. (2016). Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления. *Horizon*. № 5(2). С. 290-307.

Motroshilova, N. V. (2016). G. Vaihinger and early Husserl: an Attempt of a somewhat uncommon Comparison. *Horizon*. no. 5(2). pp. 290-307. (In Russ.)

Фрейд, З. (2006). *Психология бессознательного*. Пер. А. М. Боковикова. М.

Freud, S. (2006). *Psychology of the Unconscious*. Bokovikov, A. M. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Allen, J. (1982). What is Husserl's First Philosophy? *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 42. no. 4. pp. 610-620.

Bernet, R. (2012). Phantasieren und Phantasma bei Husserl und Freud. In *Founding Psychoanalysis Phenomenologically. Phenomenological Theory of Subjectivity and the Psychoanalytic Experience, Phaenomenologica 199*. Dordrecht. pp. 1-21.

Caston, V. (1998). Aristotle and the Problem of Intentionality. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 58. no. 2. pp. 249-298.

Desoille, R. (1961). *Théorie et pratique du Rêve-Éveillé Dirigé*. Genève.

Desoille, R. (1973). *Entretiens sur le Rêve-Éveillé Dirigé en psychothérapie*.

Husserl, E. (1939). *Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik*. Landgrebe, L (hg.). Prag. Academia Verlagsbuchhandlung.

Husserl, E. (1968). Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. In *Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. IX*. Dordrecht. Springer Science+Business Media.

Husserl, E. (1976). Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes buch. In *Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. III/1*. Dordrecht. Boston. London. Kluwer Academic Publishers.

Husserl, E. (1980). Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen. In *Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. XXIII*. The Hague. Boston. London. Martinus Nijhoff Publishers.

Pietkiewicz, I. J., Szymon, N., Bańbura, A. and Tomalski, R. (2018). Maladaptive daydreaming as a new form of behavioral addiction. *Journal of Behavioral Addictions*. no. 7(3), pp. 838-843.

Sokolowski, R. (2012). How Aristotle and Husserl Differ on First Philosophy. In *Life, Subjectivity & Art. Phaenomenologica 201*. Springer, Dordrecht. pp. 1-28.

Somer, E. (2002). Maladaptive daydreaming: A qualitative inquiry. *Journal of Contemporary Psychotherapy*. no. 32(2). pp. 197-212.

Somer, E., Lehrfeld, J., Jopp, D. S., Bigelsen, J. (2016). Development and Validation of the Maladaptive Daydreaming Scale (MDS). *Consciousness and Cognition*. no. 39. pp. 77-91.

Stampfl, T. G. (1970). Implosive therapy: An emphasis on covert stimulation. In *Learning approaches to therapeutic behavior change*. Chicago. pp. 182-204.

Vaihinger, H. (1922). *Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche*. Leipzig. Verlag von Felix Meiner.

Сведения об авторе / Information about the author

Бердаус Светлана Владимировна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

Статья поступила в редакцию: 31.12.2022

После доработки: 10.05.2023

Принята к публикации: 05.06.2023

Berdaus Svetlana – Candidate of Philosophy, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

The paper was submitted: 31.12.2023

Received after reworking: 10.05.2023

Accepted for publication: 05.06.2023